

языковых единиц, могут быть выявлены лишь тогда, когда определено место инварианта в системе языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бейн, Е. И. Формирование класса наречий в истории французского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Бейн. – Л., 1984. – 20 с.
2. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1972. – 614 с.
3. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология / В. Г. Гак. – М.: Высшая школа, 1986. – 312 с.
4. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М.: Изд. Группа «Прогресс»: Культура, 1992. – 218 с.
5. Скредина, Л. М. Школа Гийома: психосистематика / Л. М. Скредина. – М.: Высшая школа, 2009. – 368 с.
6. Скредина, Л. М. Теория частей речи и понятие инцидентности // Иностранные языки в школе. – 1977. – № 6. – С. 29–38.
7. Grelsson, S. Les alverbes en -ment. Etudes psycho-mécanique et psycho-systématique. – Jund, C.W.K., Gleerup, 1981. – 246 p.
8. Karcevskij, S. Sur la nature de l'adverbe // Travaux du Cercle linguistique de Prague. – Prague, 1936. – Vol XVIII. – P. 107–111.
9. Moignet, G. L'incidence de l'adverbe et l'adverbialisation des adjectives // Travaux de linguistique et de littérature. – 1963. – № 1. – P. 175–194.
10. Moignet, G. L'adverbe dans la locution verbale // Etudes de psychosystématique française. – P.: Klincksieck, 1974. – P. 137–163.

УДК 811.124
ББК 81.461р30

А. В. Ваганов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В статье характеризуются пути использования русских поэтических текстов в преподавании латинского языка студентам, обучающимся по специальности «Русский язык и литература». Показано, что обращение к русским поэтическим текстам, использующим латинские слова и обороты, способствует как усвоению основ латыни, так и расширению представлений учащихся о языковом богатстве русской литературы.

Ключевые слова: латинский язык, межпредметные связи, крылатые слова, имя существительное, склонение, глагол, герундий, местоимение, имя прилагательное.

A. V. Vaganov

USING RUSSIAN POETICAL TEXTS IN TEACHING LATIN

Abstract. The article characterizes the ways of using Russian poetical texts in teaching Latin to students studying the specialty “Russian language and literature”. It is shown that consideration of Russian poetical texts, using Latin words and phrases, promote the mastering the fundamentals of Latin as well as the expansion of students' views on linguistic richness of Russian literature.

Key words: Latin, interdisciplinary connections, winged words, substantive, declension, verb, gerund, pronoun, adjective.

Латинские слова и обороты играют заметную роль в языке русской поэзии. Латинизмы оказываются органической частью языковой ткани произведений А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. А. Блока, А. А. Ахматовой, М. И. Цветаевой и других великих мастеров русского слова. Нередко используются ресурсы латинского языка и в современных поэтических текстах. Это создает возможность при преподавании латинского языка студентам-русистам использовать межпредметные связи как с курсом русского языка, так и с курсом истории русской литературы.

Обращение к русским поэтическим текстам возможно при изучении различных тем курса «Латинский язык». При этом латинские обороты, используемые в русских поэтических текстах, могут рассматриваться как с точки зрения реализации в них фонетических и грамматических законов латинского языка, а также его лексических ресурсов, так и с точки зрения их роли в художественной системе русского текста.

Так, при изучении первого склонения латинских существительных можно обратить внимание студентов на сцену из пушкинской трагедии «Борис Годунов», где в речи Лжедмитрия, обращенной к поэту, содержится латинская фраза *Musa gloriam coronat, gloriaque musam* («Муза венчает славу, слава – музу»).

Эта латинская фраза, как отмечается в «Словаре латинских крылатых слов» под редакцией Я. М. Боровского, представляет собой авторский текст Пушкина [2, 469]. С грамматической точки зрения на занятии следует обратить внимание на то, что фраза содержит латинские существительные первого склонения *musa* ('муза') и *gloria* ('слава'). Оба слова употреблены в двух формах – в *nominativus singularis* (именительный падеж единственное число) и *accusativus singularis* (винительный падеж единственное число). При этом форма именительного падежа существительного *gloria* сопровождается союзом *quae* ('и'), который ставится вслед за последним из объединяемых слов и пишется слитно с ним. В художественном мире пушкинской трагедии данная фраза служит одним из многообразных средств «конкретно-исторической индивидуализации речи» [4, 576]. Самозванец, в полной мере наделенный способностью приспособлять свою речь к самым разным ситуациям, в данном случае с помощью латинского выражения стремится подчеркнуть свою причастность к западноевропейской культурной традиции:

Что вижу я? Латинские стихи!

Стократ священ союз меча и лиры,

Единый лавр их дружно обвивает.

Родился я под небом полунощным,

Но мне знаком латинской музыки голос,

И я люблю парнасские цветы.

Я верую в пророчества пиитов.

Нет, не вотще в их пламенной груди

Кипит восторг: благословится подвиг,

Его ж они прославили заране!

Приблизься, друг. В мое воспоминанье

Прими сей дар.

(Дает ему перстень.)

Когда со мной свершится

Судьбы завет, когда корону предков

Надену я, надеюсь вновь услышать

Твой сладкий глас, твой вдохновенный гимн.

Musa gloriam coronat, gloriaque musam.

При изучении латинских существительных мужского рода второго склонения возможно обращение к поэме Н. С. Гумилева «Блудный сын», где при изображении Древнего Рима используется латинское приветствие *salve amice*, содержащее форму звательного падежа существительного *amicus* ('друг'):

Цветов и вина, дорогих благовоний...

Я праздную день мой в веселой столице!

Но где же друзья мои, Цинна, Петроний?..

А вот они, вот они, salve amice.

Слова *salve amice* («здравствуй, друг») участвуют в данном тексте в формировании художественного времени и пространства, воссоздавая исторический колорит Древнего Рима.

В связи с изучением этой же темы можно рассмотреть латинское устойчивое выражение *Anno Domini*, означающее «В лето господне, т.е. в ... году от Рождества Христова» [2, 68]. Здесь содержатся *ablativus singularis* (аблатив единственное число) существительного *annus* ('год') и *genetivus singularis* (родительный падеж единственное число) существительного *dominus* ('господин', в христианскую эпоху также 'господь'). Это выражение представлено в русской поэзии как название сборника стихов А. А. Ахматовой, как заголовок стихотворения И. А. Бродского. В стихотворении И. А. Ермаковой заголовок «*Anno Domini*» сопровождается подзаголовком «Памяти Татьяны Бек». Латинское выражение выступает здесь как символ приобщения к вечности в противовес содержащемуся в тексте точному обозначению даты смерти:

Снег прохожий белые тянет жилы

Замечает пастбища и могилы

<...>

Погружая город в снеговорот

Закрывая две тысячи пятый год.

При изучении латинских существительных среднего рода второго склонения можно указать на стихотворение А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Это стихотворение содержит эпитафию *Exegi monumentum* (то есть «Я воздвиг памятник»), который устанавливает ин-

тертекстовые связи с одой Горация. Тем самым А. С. Пушкин подчеркивает связь своего произведения с европейской литературной традицией, и прежде всего с наследием Горация, который первым ввел в литературу тему бессмертия поэта. Существенной для понимания пушкинского текста является многозначность слова *monumentum* в латинском языке: «Это, во-первых, в широком смысле нечто, “сохраняемое в памяти” <...> и напоминающее о чем-нибудь <...>, и, во-вторых, памятник надгробный» [1, 144]. Подобной многозначностью насыщено и русское слово *памятник* в пушкинском тексте. По замечанию М. П. Алексеева, «для Пушкина, как и для его предшественников и современников, латинское, воспринятое русским языком слово “монумент” и синонимическое ему “памятник” были многозначны и означали не только сооружение, воздвигнутое в честь кого-либо или в память о чьих-либо делах, но и надгробие на могиле умершего» [1, 145]. Впоследствии можно вернуться к пушкинскому стихотворению при изучении латинского глагола, а именно при рассмотрении перфекта, то есть того из прошедших времен латинского языка, которое обозначает завершенность действия. Именно форма перфекта (соответствующая по своей грамматической семантике русской форме прошедшего времени совершенного вида) использована в той фразе Горация, которая стала эпитафией к пушкинскому стихотворению.

В стихотворении Ф. И. Тютчева латинское существительное второго склонения среднего рода *silentium* ('молчание') находится в сильной текстовой позиции – в позиции заглавия, выделяя основную тему текста:

SILENTIUM!

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, –
Любуйся ими – и молчи.*

В стихотворении А. А. Блока «Незнакомка» используется латинский фразеологизм *in vino veritas* ('истина в вине'), содержащий существительное второго склонения среднего рода *vinum* ('вино') в форме *ablativus singularis* (аблатив единственного числа); существительное *veritas* ('истина') принадлежит к третьему склонению. Функциональная важность этого фразеологизма, вносящего в текст оттенок печальной иронии, подчеркивается тем, что он используется в тексте дважды. В финале первой смысловой части текста данный фразеологизм выступает в латинской форме:

*А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!» кричат.*

Текст в целом завершается этим же фразеологизмом в русской передаче:

*Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.*

При изучении существительных смешанного типа третьего склонения можно указать на некоторые латинские «крылатые слова», заключающие в себе формы существительных данного типа. Так, название стихотворного цикла И. А. Бродского «Post aetatem nostram» («после нашей эры»), где изображаются времена Римской империи, содержит *accusativus singularis* (винительный падеж единственного числа) существительного третьего склонения *aetas* ('время жизни; эпоха, эра; возраст'). В стихотворении М. В. Кудимовой используется выражение *audi alteram partem* («выслушай другую сторону»), где содержится такая же грамматическая форма существительного *pars* ('часть, сторона'):

*Мне не с руки гадать по закрытым картам.
Вопру сказать: Audi alteram partem.
Вытащи оппонента из его закоул,
И о себе такое вызнаешь – караул!*

(М. В. Кудимова. Мне отказали от дома в такое утро...)

При изучении гласного типа третьего склонения как один из примеров данного типа рассматривается существительное *mare* ('море'). В связи с этим возможно обращение к поэзии М. И. Цветаевой, где неоднократно используется внутренняя форма имени автора, восходящего через прилагательное *marinus* к данному существительному.

Например:
*Кто создан из камня, кто создан из глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – брэнная пена морская.*

(М. И. Цветаева. Кто создан из камня, кто создан из глины...)

В стихотворении М. И. Цветаевой «Душа и имя» само имя не названо, но его ассоциативный фон создается подчеркиванием этимологического значения:

*Пока огнями смеется бал,
Душа не уснет в покое.
Но имя Бог мне иное дал:
Морское оно, морское!
В круженье вальса, под нежный вздох
Забывать не могу тоски я.
Мечты иные мне подал Бог:
Морские они, морские!
Поет огнями манящий зал,
Поет и зовет, сверкая.
Но душу Бог мне иную дал:
Морская она, морская!*

При изучении настоящего времени латинского глагола можно обратиться, в частности, к «Поэме без героя» А. А. Ахматовой, где содержится латинское устойчивое выражение «*Quo vadis?*», то есть «Куда идешь?» (в русских текстах встречается церковнославянская форма этой фразы «Камо грядеши?»). Латинская фраза содержит форму второго лица единственного числа глагола *vadere* («идти»). Данное выражение, восходящее к Евангелию, получило «широкое распространение после появления под таким названием романа Г. Сенкевича» [3, 1104]. В поэме А. А. Ахматовой эта фраза используется при изображении эвакуации из блокадного Ленинграда:

*И уже предо мною прямо
Леденела и стыла Кама,
И «Quo vadis» кто-то сказал,
Но не дал шевельнуть устами,
Как тоннелями и мостами
Загрел сумасшедший Урал...*

При изучении герундия (формы, обозначающей процесс действия, и сочетающей глагольные черты с чертами существительного) можно показать использование в стихотворении М. И. Цветаевой латинского выражения *ars amandi* («наука любви»), которое по происхождению своему является названием поэмы Овидия. В данном выражении содержится форма *amandi*, представляющая собой *genetivus* (родительный падеж) герундия от глагола *amare* («любить»):

*В гибельном фолианте
Нет соблазна для
Женщины. – Ars amandi
Женщине – вся земля.*

(М. И. Цветаева. В гибельном фолианте...)

При изучении латинских местоимений следует рассмотреть латинский фразеологизм *alter ego*, который буквально переводится «второе я» и употребляется в ряде значений, чаще всего – в значении «ближайший друг». В связи с этим можно обратить внимание студентов на стихотворение А. А. Фета, где данный фразеологизм выступает в роли заголовка.

Личное местоимение *ego* («я») представлено также в составе устойчивого латинского выражения *Et ego in Arcadia*, означающем «И я в Аркадии» (родился, жил), то есть «и я пережил счастливое время» [2, 230]. Происхождение фразы объясняется тем, что древнегреческая область Аркадия традиционно ассоциировалась со счастливой, безмятежной жизнью. В то же время данный фразеологизм связан также с семантикой «непрочности счастья и огорчения при его утрате» [3, 475]. Трансформация данного выражения представлена в названии стихотворного цикла А. В. Парина «*Et ego in Sicilia*». Замена топонима *Arcadia* топонимом *Sicilia* создает локализацию изображаемого, которая поддерживается наименованиями древних сицилийских городов (*Сегеста*, *Селинунт*, *Таормина*) в первом стихотворении цикла. При этом в трансформированной латинской фразе сохраняется местоимение *ego*, подчеркивающее личную причастность автора к изображаемому.

Притяжательное местоимение *meus*, *mea*, *meum* («мой, моя, мое») в форме женского рода *mea* представлено во фразеологизме *mea culpa* («моя вина»). Он используется, например, в стихотворении М. В. Кудимовой:

*Меж праведников и быдел
В рубахе цветной стоишь.
За тех, кто тебя обидел,
Прощенья прошу – услышь.*

<...>

*Сочится вина, как пульпа...
А если и я среди всех*

*Прописана, – теа kultura,
По-русски сказать – мой грех.*

(М. В. Кудимова. Меж праведников и быдел...)

При изучении латинских прилагательных может быть использовано, например, стихотворение В. В. Набокова «Neuralgia intercostalis». Здесь в качестве заголовка выступает латинское атрибутивно-субстантивное словосочетание с прилагательным третьего склонения *intercostalis*. В прямом своем значении данное сочетание является медицинским составным термином, означающим «межреберная невралгия». В набоковском стихотворении данный термин подвергается переосмыслению, превращаясь в символ тоски по родине:

*О нет, то не ребра
– Эта боль, этот ад –
это русские струны
в старой лире болят.*

В стилистическом отношении такое переосмысление латинского медицинского термина является выразительным примером того, как «элементы других стилей используются в художественной речи в эстетической функции, а не в той, которую они выполняют в тех стилях, откуда взяты» [5, 141].

Таким образом, в процессе подготовки филологов-русистов материалы латинского языка не только обогащают изучение современного русского литературного языка исторической ретроспективой, но и способствуют выработке навыков интерпретации текста, которые затем получают развитие в курсах «Стилистика русского языка» и «Филологический анализ текста».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев, М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (Проблемы его изучения) / М. П. Алексеев. – Л.: Наука, 1967. – 272 с.
2. Бабичев, Н. Т. Словарь латинских крылатых слов / Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский. – М.: ТЕРРА, 1997. – 960 с.
3. Бабкин, А. М. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода / А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. – М.; Л.: Наука, 1966. – 1344 с.
4. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 656 с.
5. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 464 с.

УДК 801
ББК 81.2

И. А. Губарь

ФРАГМЕНТ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА Б. Л. ПАСТЕРНАКА

(на материале общей характеристики синтаксического строя речи эпистолярных текстов)

Аннотация. В статье предпринята попытка построения фрагмента речевого портрета конкретной языковой личности. В качестве материала исследования избран синтаксис эпистолярных текстов Б. Л. Пастернака.

Ключевые слова: языковая личность, речевой портрет, эпистолярные тексты.

I. A. Gubar

FRAGMENT OF SPEECH PORTRAIT OF B. L. PASTERNAK

(based on the material of general characteristic of syntactic composition of speech in epistolary texts)

Abstract. The paper attempts to reconstruct a fragment of speech portrait of a particular linguistic personality. The syntax of epistolary texts by B.L. Pasternak was chosen as the material for the study.

Key words: linguistic personality, speech portrait, epistolary texts.

Наиболее острые и актуальные проблемы современного языкознания сосредоточены вокруг вопросов о том, «как в языковых единицах отразился сам человек во всем многообразии своих проявлений» [Кочеткова 1999: 3]. Исследователями на сегодняшний день накоплен богатый материал в плане изучения языковой личности писателей, что объясняется и обилием материала для